

Стратегии воспроизводства и способы господства

1993

Запись лекции, прочитанной 23 сентября 1993 года в Гёттингене.

Один из основных вопросов относительно социального мира состоит в том, почему и как этот мир может длиться и сохранять своё существование, или, другими словами, как воспроизводится социальный порядок, понимаемый как ансамбль упорядоченных отношений, конституирующих мир. Чтобы действительно ответить на этот вопрос, необходимо отказаться как от «структуралистской» точки зрения, согласно которой структуры, несущие в себе основание своего собственного постоянства, воспроизводятся благодаря необходимому соучастию агентов, подчинённых их давлению, так и от интеракционистской или этнометодологической точки зрения, которая представляет социальный мир как результат действий по конструированию, постоянно совершаемых агентами в некотором акте «непрерывного творения». Другими словами, необходимо отказаться от решения вопроса о том, создаются ли отношения господства знаками превосходства, которые доминируемые постоянно приписывают доминирующим, или, наоборот, объективные отношения господства навязывают знаки превосходства и подчинения. В действительности, социальный мир наделён, как говорили классические философы, *conatus* (стремлением), склонностью пребывать в своём существовании, некоторым внутренним динамизмом, который одновременно вписан как в объективные, так и в «субъективные» структуры (диспозиции агентов). Социальный мир постоянно поддерживается и формируется за счёт действий по конструированию и реконструированию структур, причём эти действия зависят в основном от позиций, занимаемых в этой структуре отношений теми, кто их производит. Любое общество держится на отношении между двумя указанными динамическими принципами, которые имеют разное значение для разных обществ и вписаны один — в объективные структуры или, точнее, в структуру распределения капиталов и механизмы, обеспечивающие их воспроизводство, другой — в диспозиции агентов относительно воспроизводства. Именно отношение этих двух принципов определяет различные способы воспроизводства и, особенно, характерные стратегии воспроизводства.

Перед тем как обратиться к абстракциям, неизбежным при любой попытке формализации или аксиоматизации, мне бы хотелось кратко представить условия, в которых возникли и

развивались теоретические рассуждения, приведшие меня к конструированию понятия системы стратегий воспроизводства. Думаю, необходимо, особенно в присутствии слушателей, принадлежащих к другой дисциплине (история) и к другой национальной интеллектуальной традиции, эксплицировать исторический контекст, в котором и против которого я пришёл к необходимости интерпретировать целую серию действий как стратегий (а не как реализации правил), объективно ориентированных на воспроизводство такого социального корпуса как семья (или «дом») и составляющих систему. Меня пугает не столько непонимание, которое может быть вызвано междисциплинарными или национальными различиями, сколько отрыв понятий от реальности исследования, способный возникнуть в результате формализации. Например, я часто думаю, что теория Макса Вебера сильно пострадала от такого «теоретического» чтения, которому способствовали попытки формализации, представленные им в конце жизни в «Wirtschaft und Gesellschaft», и что многих деформаций, которым подверглись его работы, можно было бы избежать, если бы его многочисленные читатели (особенно Толкот Парсонс) учитывали специфический исторический контекст (пространство научных возможностей), по отношению к которому она формировалась, и исторические исследования, в которых она проходила свою проверку. Кроме того, поскольку основания ошибок, против которых конструировались наиболее строго контролируемые понятия, продолжают существовать, то эти понятия становятся объектами поверхностного и частичного использования, которое разрушает заключённую в них установку на разрыв. Так, например, обычно происходит с понятиями культурного или символического капитала.

Довольно трудно точно реконструировать пространство теоретических возможностей, в котором я оказался в 1960-е годы, когда в связи с исследованиями в Кабилии и Беарне начал интересоваться логикой матримониальных обменов и практиками наследования. Точно можно сказать, что в нём доминировала структуралистская точка зрения, которая, вследствие неопределённости понятия правила, была способна придать видимость теоретической революции тому, что на деле было реставрацией юридикзма, который, как это хорошо показал Луи Дюмон, с самого начала постоянно вмешивался в этнологические исследования, изучавшие системы родства и особенно теории наследования. Типичный пример такой точки зрения — интерпретация Эммануэля Ле Рой Ладюри работ Жана Ивера, заставившая его определить географические области, внутри которых реализуются неизменные нормы наследования, не оставляющие никакого места для переговоров и соглашений [1]. Естественно, поскольку я разделял этот теоретический настрой [mood], связанный с огромным престижем работ Леви-Строса, особенно его «Элементарных структур родства», в своей первой работе на примере Беарна я попытался построить модель, связывающую матримониальные обмены с традицией наследования [2].

Но более глубокое изучение конкретных браков и особенно случаев мезальянса, как в Кабилии, так и в Беарне, постепенно заставило меня поставить под сомнение структуралистскую точку зрения, очарование которой, возможно, частично связано с тем, что она стремится свести функционирование общества к некоторому подобию часового механизма и способна сделать из этнолога, который однажды его откроет, своего рода Бога-часовщика, внешнего по отношению к своему творению и превосходящего его. В действительности, мне стало ясно, что как в случае Кабилии, так и в случае Беарна официальная норма, «предпочтительный брак» с параллельной кузиной или право

первородства представляют собой только один из видов ограничений, и не самых сильных, с которыми агенты должны считаться, чтобы реализовать свои матримониальные стратегии или стратегии наследования.

Таким образом, необходимо было отказаться от высокомерного взгляда «издалека», свойственного структуралистскому подходу, радикально изменить «парадигму» (в куновском смысле), что выразилось в обращении к понятию стратегии, чтобы приблизиться к непосредственному основанию практики и точке зрения агентов, что, однако, не означает — к их сознанию, как иногда предлагал Леви-Строс, скатываясь к субъективистской феноменологии, являющейся основанием наивно «спонтанного» видения социального порядка [3]. Это изменение отношения к агентам (сокращение дистанции) и к практике (менее «интеллектуалистское») предполагало серьёзную трансформацию понимания самой практики, то есть конструирование теории практики, основанной на рефлексивной теории теоретического восприятия (или «scholastic bias»), что в свою очередь привело к серьёзной трансформации методов исследования матримониальных стратегий и стратегий наследования.

Именно благодаря этому я вместе с Абдельмалеком Саядом в ходе исследования в Кабилии смог показать, что имя — фундаментальный элемент символического капитала — было ставкой исключительно сложных стратегий как среди представителей старшего, так и среди представителей молодого поколения. Эти стратегии были зафиксированы и другими исследователями в разных местах и традициях [4]. Говорить о ставке — значит отказаться от механической логики структуры в пользу динамической и открытой логики игры и взять на себя обязанность, при интерпретации каждого нового хода игры, учитывать цепь всех предыдущих ходов, относится ли это к бракам или правилам наследования. Короче говоря, это означает снова ввести в исследование понятие времени («порядок следования» как говорил Лейбниц), а также, по примеру самих агентов, — упорядоченное множество разнообразных стратегий: матримониальных, наследования, но также экономических, образовательных и так далее, которые детерминируют состояние игры, способность оказывать влияние на игру и посредством этого определяют любую новую стратегию.

Итак, теоретические положения, которые я собираюсь представить, основаны на результатах целой серии конкретных исторических исследований стратегий, реализуемых в очень разных обстоятельствах и очень разными агентами (будь то кабийские или беарнские крестьяне, владельцы предприятий, стремящиеся гарантировать существование своего дела, или же служащие, желающие передать по наследству свой культурный капитал, гарантируя его перевод в капитал образовательный), посредством которых реализуется *conatus* домашнего хозяйства. Так называемые этнологические исследования, проводившиеся мной в Кабилии и Беарне, постоянно направляли моё внимание на образовательные стратегии, используемые сегодня во всех развитых обществах представителями различных социальных групп для воспроизведения своей позиции в социальном пространстве. В то же время эти так называемые социологические исследования позволили мне более адекватно понять модификации матримониальных стратегий крестьян, вызванные унификацией рынка символических благ и глубокой трансформацией системы механизмов воспроизводства, связанной с исключительным ростом влияния системы образования [5].

Можно составить своего рода таблицу больших классов стратегий воспроизводства (порождённых диспозициями), которые встречаются в любом обществе, но имеют разный вес (в зависимости от уровня объективированности капитала) и разные формы, изменяющиеся в соответствии с природой капитала, который требуется передать, и состоянием имеющихся механизмов воспроизводства (например, традиции наследования). Эта теоретическая конструкция позволяет восстановить в рамках научного анализа единство практик, которые почти всегда воспринимаются различными науками (правом, демографией, экономикой, социологией) как беспорядочные и разрозненные.

Мы можем разбить стратегии воспроизводства на несколько классов, хотя на практике они всегда будут зависеть друг от друга и переплетаться. Среди стратегий биологических инвестиций наиболее важными являются стратегии деторождения и профилактики. Первые— это очень долгосрочные стратегии, влияющие на всё будущее потомство и его наследство. Они предусматривают контроль над рождаемостью, то есть увеличение или уменьшение числа детей и, посредством этого, силы семейной группы, но одновременно — и числа потенциальных претендентов на материальное и символическое наследство. В зависимости от имеющихся в распоряжении средств, они могут быть прямыми (использование методов ограничения рождаемости) или косвенными, например, поздние браки или безбрачие, имеющие двойное преимущество: это ведёт к отсутствию биологического воспроизводства и исключению, по крайней мере в реальности, из наследства. Например, в аристократических или буржуазных семьях при Старом режиме такую функцию выполняла ориентация некоторых детей на священный сан или в отдельных крестьянских традициях, отдающих предпочтение первенцу, — безбрачие младших.

Профилактические стратегии направлены на сохранение биологического наследства. Они обеспечивают постоянную или периодическую заботу о сохранении здоровья и избежании болезней, а в более общем виде— разумное распоряжение телесным капиталом.

Стратегии наследования призваны гарантировать передачу материального наследства от поколения к поколению при минимуме потерь в пределах возможностей, зависящих от права и обычаев, прибегая при этом к любым ухищрениям и уловкам, имеющимся в рамках закона или в обход него (как, например, при прямой и нигде не фиксируемой передаче наличных денег или других объектов). Эти стратегии принимают различные формы в соответствии с тем капиталом, который необходимо передать, то есть в соответствии со структурой наследства. Образовательные стратегии, особым видом которых являются школьные стратегии семей или обучающихся детей, представляют собой очень долгосрочные инвестиции, не обязательно воспринимающиеся как таковые и не сводящиеся, как полагает экономика «человеческого капитала», к экономическому или денежному измерению. В действительности, они прежде всего направлены на производство социальных агентов, достойных и способных наследовать свойства группы, то есть передать их в свою очередь группе. Особенно это верно в случае «этических» стратегий, нацеленных на внушение индивидам необходимости подчинения себя и своих интересов верховным интересам группы и выполняющих таким образом фундаментальную функцию, поскольку гарантируют воспроизводство семьи, которая сама является «субъектом» стратегий воспроизводства.

Стратегии экономических инвестиций в широком смысле слова ориентированы на сохранение или увеличение этого капитала в самых разных его видах. К стратегиям экономических инвестиций в узком смысле слова необходимо добавить стратегии социального инвестирования, направленные на установление и поддержание долгосрочных и краткосрочных, непосредственно используемых и мобилизуемых социальных отношений, другими словами — на конверсию этих отношений в долговременные обязательства, гарантированные субъективно (признание, уважение и тому подобное) или институционально (в виде права), то есть в социальный или символический капитал, которая осуществляется с помощью своего рода алхимии обменов (деньгами, работой, временем и так далее) и специфической работы по поддержанию отношений. Особым случаем здесь являются матримониальные стратегии, призванные гарантировать биологическое воспроизводство группы, не подвергая её социальное воспроизводство риску мезальянса, и способные, благодаря альянсу с более или менее эквивалентной с точки зрения соответствующих социальных критериев группой, поддерживать её социальный капитал.

Стратегии символического инвестирования объединяют все действия, направленные на сохранение и увеличение капитала признания (в разных смыслах этого слова), способствуя воспроизводству схем восприятия и оценивания наиболее благоприятных для этого вида капитала и производя действия, способные вызывать положительные оценки в рамках этих категорий (например, продемонстрировать силу, чтобы потом ей не воспользоваться). Особую форму этого вида представляют собой стратегии социодиицеи, которые благодаря натурализации легитимируют господство и его основания, то есть тот тип капитала, на который оно опирается.

Стратегии воспроизводства основаны не на сознательном и рациональном намерении, но на диспозициях габитуса, который спонтанно стремится воспроизвести условия своего собственного производства. Поскольку диспозиции зависят от социальных условий, продуктом которых является габитус (применительно к дифференцированным обществам социальные условия — это объём и структура капитала, имеющегося в распоряжении семьи, и их эволюция во времени), то они стремятся сохранить свою идентичность, которая есть различие, сохраняя разрывы, дистанции, отношения порядка, и таким образом, на практике содействуют воспроизводству всей системы различий, составляющих социальный порядок [6]. Стратегии воспроизводства, порождённые диспозициями к воспроизводству, свойственными определённому габитусу, могут удваиваться за счёт сознательных индивидуальных или иногда коллективных стратегий, которые почти всегда являются результатом кризиса устоявшегося способа воспроизводства и не обязательно ведут к реализации предполагаемых целей.

Стратегии воспроизводства образуют систему и поэтому лежат в основе функциональных замещений и компенсаторных эффектов, связанных с единством работы системы. Например, матримониальные стратегии могут компенсировать некоторые свойства тех, кто потерпел неудачу в стратегии деторождения. Стратегии воспроизводства имеют также временное измерение, поскольку реализуются на разных этапах жизненного цикла, понимаемого как необратимый процесс. Любая из них должна в каждый момент времени считаться с результатами других, которые ей предшествуют и имеют меньшую длительность.

Например, в беарнской традиции матримониальные стратегии напрямую зависели от семейной стратегии деторождения (то есть пола и количества детей, претендующих на потенциальное наследство или компенсацию), а также от образовательных стратегий, успешность которых была условием реализации стратегий, предусматривающих отстранение от наследства девочек и младших сыновей: первых соответственно в виде брака, вторых — безбрачия или эмиграции, и, наконец, от собственно экономических стратегий, направленных помимо всего прочего на сохранение или увеличение наследства. Эта взаимозависимость распространялась на несколько поколений, когда семья в течение длительного времени была вынуждена идти на большие жертвы, чтобы компенсировать «отток капиталов», необходимых для «выдачи приданого» в виде земли или денег членам очень многочисленной семьи, или чтобы восстановить экономическую и особенно символическую позицию группы после мезальянса [7].

Этот анализ также применим к аристократическим или королевским семьям, чьи семейные стратегии становятся делами государства (например, войны наследования и тому подобное) [8]. Сравнительная история систем стратегий воспроизводства должна учитывать как структуру наследства, которое необходимо передать, то есть относительный вес различных видов капитала, так и состояние механизмов воспроизводства (различные рынки, особенно рынок труда; законодательство, особенно право наследования или собственности; состояние системы образования и значение дипломов и тому подобное). Например, та определяющая роль, которая принадлежит символическому капиталу в структуре наследства кабийских крестьян (в силу традиции неделимости земли и большого значения ценностей чести, то есть репутации группы), делает это общество своего рода лабораторией для изучения стратегий накопления, воспроизводства и передачи символического капитала. Стратегии, в результате которых передаются имена авторитетных предков, или на первый взгляд слишком большое значение, придаваемое вопросам чести, несомненно, объясняются тем фактом, что накопление символического капитала — этой предельно хрупкой и неустойчивой формы капитала — является основной формой накопления [9]. Эти стратегии можно найти и у беарнских крестьян, заботящихся о возвышении, сохранении и передаче имени и фамилии «дома», причём они усложняются в силу того, что земля, находящаяся в распоряжении семьи, накладывает ограничения на стратегии и, особенно, на блеф, допускаемый логикой символических игр [10]. Хотя специфический характер стратегий королевских или аристократических семей определяется другими видами ограничений, в частности, юридическими, а также политическими, знание стратегий крестьянских «домов» позволяет моментально понять и их основания [11].

Но стратегии воспроизводства можно полностью определить только через их отношение к институционализированным или неинституционализированным механизмам воспроизводства. Система стратегий воспроизводства домашнего хозяйства зависит от дифференцированной прибыли, потенциально ожидаемой от разных инвестиций, в свою очередь зависящих от способности влиять на институционализированные механизмы (рынок товаров и услуг, образовательный рынок, матримониальный рынок), доступные в рамках имеющегося объёма и структуры капитала. В соответствии с дифференцированной структурой шансов получения прибыли, объективно открытых для инвестирования различными социальными рынками, происходит формирование системы предпочтений (или

интересов) и разнообразных установок на инвестирование в различные инструменты воспроизводства. Например, как во Франции, так и в Англии весь период перехода от династического государства к бюрократическому отмечен борьбой между теми, кто не желал знать и признавать ничего, кроме стратегий семейного воспроизводства (братья короля), опиравшихся на кровное родство, и теми, кто прибегал к стратегиям бюрократического воспроизводства (министры короля), основанным на передаче культурного капитала через образовательную систему. В наших обществах, располагающих разнообразными инструментами воспроизводства, структура распределения возможностей контролировать инструменты воспроизводства является главным фактором, определяющим дифференцированный доход, который агенты способны получить от инвестиций в разные инструменты воспроизводства, и, следовательно, их возможности воспроизводства своего наследства и своей социальной позиции, а значит, и структуру их дифференцированных установок инвестировать в различные рынки. Мне удалось, например, показать, что школьная система может работать на воспроизводство социальной структуры и, в частности, структуры распределения культурного капитала, обрекая детей на тем более вероятное исключение, чем из более культурно обделённых семьёй они вышли, поскольку эти дети (и их семьи) имеют значительно больше шансов обладать диспозициями, толкающими их к самоисключению (например, безразличие или сопротивление школьным требованиям), и они находятся в менее благоприятной позиции в структуре распределения культурного капитала [12].

Сходным образом, внутри поля власти и даже внутри поля экономической власти сегодня можно наблюдать противостояние агентов, которые, в соответствии со структурой имеющихся капиталов, ориентируются на стратегии воспроизводства, опирающиеся либо на инвестиции в экономику, либо на инвестиции в образование. С одной стороны, это передача права наследования собственности, полностью контролируемая семьёй, как это происходит у владельцев «семейных» предприятий, с другой — трансляция, более или менее гарантированная и контролируемая государством, пожизненной власти, основанной на образовательном статусе, который, в отличие от статуса собственности или аристократического звания, не может наследоваться непосредственно. Вообще, склонность инвестировать в школьную систему зависит от относительного веса культурного капитала в общей структуре наследства: в отличие от служащих или учителей, которые концентрируют свои инвестиции на рынке образования, владельцы семейных предприятий, чей социальный успех зависит в меньшей мере от школьных достижений, инвестируют меньше «интереса» и труда в своё образование и получают иной доход от своего культурного капитала.

Изменение отношения между наследством, имеющим определённый объём и структуру, и системой инструментов воспроизводства, предполагающей относительное изменение структуры шансов получения прибыли, приводит к реструктуризации системы стратегий воспроизводства: владельцы капитала могут сохранить свою позицию в социальной структуре только за счёт конверсии некоторых имеющихся видов капитала в другие, более рентабельные и легитимные при сложившемся состоянии инструментов воспроизводства. Например, такова основа конверсии земельной аристократии в государственную бюрократию в Германии в XIX веке.

В тех социальных универсумах, где доминирующие вынуждены постоянно изменяться, чтобы сохранять свою позицию, они с необходимостью дифференцируются, особенно в периоды быстрых трансформаций способов воспроизводства, в соответствии с уровнем конвертируемости их стратегий воспроизводства. Агенты или группы, больше других наделённые теми видами капитала, которые позволяют использовать новые инструменты воспроизводства, то есть больше предрасположенные и способные к конверсии, противостоят тем, кто сильнее всего связан капиталом, находящимся под угрозой. Например, накануне революции 1789 года мелкие провинциальные аристократы, не имевшие ни наследства, ни образования, противостояли крупному дворянству и буржуазии. Или в 1968 году профессора тех дисциплин (грамматика, древние языки и даже философия), которые напрямую зависели от конкурса на должность профессора, противостояли профессорам новых дисциплин, таких как социальные науки. Многие значимые оппозиции, находящиеся в центре идеологических дебатов некоторой эпохи (например, сегодня это дискуссии о «культуре»), представляют собой всего лишь столкновение различных форм консервативной социодидеи, где противостоят, с одной стороны, те, кто стремится легитимировать старый способ воспроизводства, озвучивая то, что раньше шло само собой, и трансформируя таким образом доксу в ортодоксию, а с другой — те, кто стремится рационализировать, в двойном смысле этого слова, конверсию, ускоряя осознание трансформаций и выработку подходящих стратегий, таким образом легитимируя эти стратегии в глазах «консерваторов».

Итак, главное достоинство понимания способа воспроизводства как отношения между системой стратегий воспроизводства и системой механизмов воспроизводства, состоит в том, что такой подход позволяет сконструировать и понять как единое целое феномены, принадлежащие очень разным социальным универсумам, будь то наследование имени в Кабилии или в Италии эпохи Возрождения [13], будь то политика больших королевских династий или домашняя политика крестьянских семей. Этот подход также позволяет избавиться от губительных оппозиций между историей, социологией и этнологией. Однако, используя это понятие, нельзя впадать в своего рода «этнологизм», поразивший на поздних этапах школу Анналов. Нельзя упускать глубокие различия, существующие между теми обществами, где диспозиции воспроизводства и порождаемые ими стратегии воспроизводства находят свою опору (в силу объективности социальных отношений) только в семейных структурах, в этом главном, если не единственном инструменте воспроизводства, и с необходимостью формируются вокруг образовательных и матримониальных стратегий, и теми обществами, где диспозиции могут одновременно опираться как на структуры экономического мира, так и на структуры организованного государства, среди которых структуры системы образования являются одними из самых важных с точки зрения воспроизводства.

Докапиталистические или протокапиталистические общества отличаются от капиталистических тем, что в них капиталы менее объективированы (и кодифицированы) и значительно меньше закреплены в виде институтов, способных гарантировать их длительность и в ходе своего функционирования воспроизводить отношения порядка, конституирующие социальный строй. Следовательно, в этих обществах проблема длительности социальных отношений и, в частности, социальных отношений господства, приобретает особо драматическое значение. Как можно длительное время держать кого-то

в подчинении? Как можно установить трудовые отношения, отношения обмена и, в частности, асимметричные отношения господства, которые бы воспроизводились во времени и даже за пределами жизни тех, на кого они накладывают обязательства? [14]Здесь уместно процитировать Маркса, противопоставлявшего обществу, в которых отношения производства принимают форму «отношений личной зависимости», и общества, опирающиеся на «личную независимость, основанную на вещной зависимости» [15]. Действительно, до тех пор пока не существует таких объективных структур, как рынок труда (и «свободный рабочий» в веберовском смысле) и множества других государственных институтов, наиболее важным из которых, с этой точки зрения, является система образования, доминирующие должны посвящать себя постоянной работе по созданию социальных отношений, редуцированных к межличностным отношениям. Это хорошо видно на примере отношений между феллахом и арендатором (*khammus*): хозяин должен постоянно поддерживать эти отношения с помощью целой серии обменов, направленных на то, чтобы представить их как отношения между родственниками (вплоть до того, чтобы отдать одну из своих дочерей в жены сыну *khammus*). В отсутствие того, что Сартр называл «инертным насилием» экономических и социальных механизмов, таких как рынок труда и легитимное насилие закона, он обязан прибегать к тем мягким и эвфемизированным формам принуждения, что свойственны символическому насилию, включая все ресурсы патернализма (которые могут сочетаться с наиболее откровенным физическим насилием, как в случае мести) [16].

Таким образом, в докапиталистических и протокапиталистических обществах нет условий для безличного контроля и тем более — для безличного воспроизводства отношений доминирования. В них нет скрытого насилия таких объективных механизмов, как образовательный рынок или рынок труда, которым достаточно только предоставить свободу действия (*laissez faire*), чтобы социальный порядок мог воспроизводиться. Это означает, что воспроизводство социальных отношений основано почти исключительно на габитусе, то есть на диспозициях, формируемых в ходе систематических образовательных стратегий и толкающих агентов совершать постоянную работу по поддержанию социальных отношений (в частности, с помощью символической работы по конструированию и реконструированию генеалогий), то есть социального капитала и символического капитала признания, получаемого в результате упорядоченных обменов, особенно матримониальных. Матримониальные стратегии занимают столь важное место в системе стратегий воспроизводства именно потому, что, не являясь с необходимостью такой абсолютно кодифицированной, как позволяют думать некоторые теории родства, супружеская связь оказывается одним из наиболее надёжных механизмов, имеющих в распоряжении большинства обществ (в том числе и в современных), способных гарантировать воспроизводство социального и символического капитала, полностью сохраняя капитал экономический.

В тех обществах, где агенты все дольше и дольше находятся в зависимости (особенно в доминируемой позиции), в силу влияния общих механизмов, управляющих экономическим или культурным миром (и где, можно сказать, в общем и целом капитал идёт к капиталу), общий вес матримониальных стратегий уменьшается, но их значение сохраняется, если семья обладает полным контролем над некоторым предприятием (сельскохозяйственным, промышленным или коммерческим). В этом случае стратегии (деторождения,

образовательные, наследования и особенно матримониальные), посредством которых семья стремится гарантировать своё собственное воспроизводство, имеют тенденцию подчиняться собственно экономическим стратегиям.

По мере того как формируется экономическое поле, наделённое своими собственными законами развития, и устанавливаются механизмы, гарантирующие длительное существование его структур, в воспроизводство которых вносит свой вклад государство (например, тех, что связаны с существованием денег и производят доверие, необходимое для межпоколенческих инвестиций), прямая и личная власть над индивидами всё больше и больше уступает место власти над институциональными механизмами, которую обеспечивает либо экономический капитал, либо культурный (диплом).

Возникновение государства, приводящего к концентрации и распределению различных видов капитала (экономического, культурного и символического), вызывает трансформацию стратегий воспроизводства. Для символического капитала примером может служить переход от феодальной чести, основанной на признании со стороны равных и народа, которую необходимо было постоянно завоёвывать и поддерживать, к бюрократической чести, дарованной государством. Схожие процессы можно наблюдать в области культурного капитала. На историю европейских обществ оказало очень сильное влияние постепенное развитие внутри поля власти способа воспроизводства, основанного на образовании, влияние которого можно наблюдать внутри самого поля власти в виде перехода от династической логики «королевского дома», опиравшейся на семейный способ воспроизводства, к бюрократической логике государственного интереса (*raison d'Etat*), в основе которой лежит образовательная модель воспроизводства. Один из факторов этой эволюции — множество противоречий и конфликтов, возникавших из-за сосуществования внутри династического государства двух типов агентов: с одной стороны — король и члены его семьи, с другой — чиновничий аппарат короля. Это означает, что сосуществовали два типа воспроизводства и два типа власти: власти наследуемой и передаваемой по праву крови, то есть основанной на естественных факторах (в виде дворянского титула), и власти достигнутой и пожизненной, основанной на «даре» и заслугах и гарантированной законом (в виде диплома).

Процесс разрушения феодальных отношений, который привёл к замещению династического государства бюрократическим, может быть описан как процесс денатурализации, постепенного разрыва естественных связей и разрушения привязанностей, формирующихся внутри семьи. Современное государство, прежде всего, противоестественно, и верность ему предполагает разрыв со всеми обычными привязанностями. Государство, возникшее в ходе этого процесса уничтожения любых следов естественных связей (выживающих вопреки всему в виде кумовства и фаворитизма), благоприятствует и гарантирует функционирование внутри поля государственной власти и поля экономической власти, образовательного способа воспроизводства, специфическую логику которого можно понять, сравнивая его с семейным, который сохраняется несмотря ни на что (в виде оппозиции похожей на ту, что существовала между королевским домом и королевскими чиновниками).

В крупных бюрократических организациях диплом перестаёт быть простым признаком статуса (как юридический диплом владельца частного предприятия) и становится истинным

пропуском в систему. Школа (в форме «grande école») и корпус — социальная группа, которую школа производит, казалось бы, ex nihilo (но в действительности из характеристик агентов, связанных с семейной принадлежностью), занимают место семьи и родственных отношений. Кооптация однокурсников на основе студенческой солидарности и принадлежности к профессиональному корпусу играет ту же роль, что и кумовство и клановая солидарность на семейных предприятиях.

Любая стратегия воспроизводства предполагает определённую форму *numerus clausus* уже в силу того, что выполняет функцию включения и исключения, ограничивая либо количество собственно биологических тел (но это может сделать только семья), либо количество индивидов, имеющих право быть включёнными в класс (что может приводить к исключению части биологических тел из корпуса, например женщин, младших и тому подобные). Самым важным является то, что при «семейном» способе воспроизводства ответственность за подобное урегулирование брала на себя семья. При образовательном способе воспроизводства, которому обязаны своим положением собственники-технократы, семья теряет способность управлять шансами на наследование и власть самой назначать наследников. Характерным признаком образовательного способа воспроизводства является его чисто статистическая логика функционирования. Ответственность за передачу наследства возлагается отныне не на одного человека или группу, направляемых традицией и подчинённых ей (право первородства и так далее), как это происходит при семейном способе передачи наследства, а на весь ансамбль индивидуальных и коллективных агентов, чьи изолированные и статистически подогнанные действия приписывают классу в его целостности привилегии, в которых он отказывает тому или иному элементу в отдельности. Школа может способствовать воспроизводству класса (в логическом значении термина), только принося в жертву некоторых членов класса, которые остались бы в системе, если бы семья сохраняла полную власть над механизмами воспроизводства.

Специфическое противоречие образовательного способа воспроизводства состоит в противостоянии интересов класса, которые Школа обслуживает, опираясь на статистические механизмы, и интересов тех членов класса, которых она приносит в жертву. Кроме того, перепроизводство, со всеми своими противоречиями, становится структурной постоянной, поскольку при образовательном способе воспроизводства теоретически равные шансы получить диплом предлагаются всем «наследникам», как девочкам, так и мальчикам, как старшим, так и младшим. В то же время растёт доступ к этому званию «ненаследников» (в абсолютных цифрах), а жёсткое исключение на уровне доступа к среднему образованию уступает место мягкому исключению. Кризис 1968 года, несомненно, частично вызван этим противоречием. Однако не стоит сводить оппозицию между двумя способами воспроизводства к оппозиции между обращением к семье или к системе образования. Речь скорее идёт о различии между исключительно семейным управлением проблемами наследования и семейным управлением, допускающим некоторое использование Школы в стратегиях воспроизводства.

В действительности, помимо того что воспроизводство, осуществляемое Школой, опирается на домашнюю передачу культурного капитала, семья продолжает использовать относительно автономную логику своей экономики, позволяющую ей аккумулировать капиталы, находящиеся в распоряжении каждого её члена, для накопления и передачи

наследства. Другая возможная ошибка состоит в том, чтобы в соответствии с простой эволюционистской логикой делать вывод, что два способа воспроизводства соответствуют двум моментам эволюции, неотделимой от той, что ведёт к переходу, по мнению некоторых авторов, от способа доминирования, опирающегося на собственность и собственников (owners), к другому, более рациональному и более демократическому, опирающемуся на «компетенцию» и менеджеров (managers). На самом деле определение легитимного способа воспроизводства является ставкой в борьбе, особенно внутри поля экономической власти, и не стоит рассматривать как конец истории то, что является всего лишь соотношением сил, которое может измениться. Эта борьба часто принимает форму борьбы за власть над государством и его способность влиять на систему инструментов воспроизводства, особенно экономических и образовательных.

Необходим длительный анализ, с одной стороны, влияния трансформации способа воспроизводства на функционирование семьи как инстанции, ответственной за воспроизводство, и с другой — влияния трансформации семьи (например, увеличение числа разводов) на функционирование способа воспроизводства, опирающегося на образовательный капитал. Связан ли кризис семьи с изменениями стратегий воспроизводства, направленных на уменьшение потребности в семейной ячейке? Многие показатели заставляют думать, что буржуазная семья продолжает поддерживать свою социальную интеграцию, являющуюся основным условием воспроизводства её социального и символического капиталов, и посредством этого — капитала экономического. Поэтому мы ещё очень далеки от того изолированного экономического агента, каким его описывают экономисты.

Это рассуждение заставляет поставить вопрос о том, кто же в конечном итоге является «субъектом» стратегий воспроизводства. Несомненно, что семья и стратегии воспроизводства имеют нечто общее: без семьи не было бы стратегий воспроизводства, без стратегий воспроизводства не было бы семьи (или корпуса, или Stand, понимаемые как квазисемья). Необходимо существование семьи (что не является очевидным), чтобы стратегии воспроизводства были возможны; и в то же время стратегии воспроизводства являются условием воспроизводства семьи, этого непрерывного творения. Семья, в той специфической форме, которую она принимает в каждом обществе, есть социальная фикция (часто превращённая в фикцию юридическую), становящаяся реальностью за счёт работы, направленной на прочное усвоение каждым членом институциональной единицы (особенно в виде брака как ритуала назначения) чувств, способных гарантировать интеграцию этой единицы, и веры в её ценность и единство. Это означает, что образовательные стратегии имеют совершенно фундаментальное значение, как любая символическая работа, одновременно теоретическая (особенно сохранение генеалогии) и практическая (обмен дарами, услугами, организация праздников и церемоний и тому подобное), возлагающаяся в основном на женщин, которая трансформирует обязанность любить в установку любящего и стремится привить каждому члену семьи «семейный дух». Это когнитивное основание видения и деления является одновременно практическим основанием согласованности, источником преданности, щедрости, солидарности и согласия, жизненно необходимых для существования семейной группы и её интересов.

Такая работа по интеграции особенно необходима, поскольку, несмотря на то, что с точки зрения нормы семья должна функционировать как корпус, она всегда имеет тенденцию функционировать как поле, со всеми присущими ему отношениями сил: физическими, экономическими и особенно символическими (связанными с объёмом и структурой капитала, которым владеют различные члены семьи), и борьбой за сохранение или изменение этого соотношения сил. Всё это возможно только за счёт постоянной работы, когда силы слияния (особенно аффективные) оказываются способными противостоять или компенсировать силы расщепления.

Семейная ячейка сделана для и с помощью накопления и передачи капитала. «Субъектом» большинства стратегий воспроизводства является семья, действующая как своего рода коллективный субъект, а не как простая сумма индивидов. Чтобы понять коллективные стратегии семей (в случае кабийского брака, например, или покупки дома в современной Франции), прежде всего необходимо знать структуру и историю соотношения сил между различными агентами и их стратегиями. Помимо этого необходимо знать объём и структуру капитала, который эти семьи собираются передать, то есть позицию каждой из них в структуре распределения различных видов капитала. В действительности, именно эта позиция направляет стратегии (и является их истинным субъектом). Это объясняет тот факт, что, следуя своему собственному *conatus*, каждая из семей способствует воспроизводству пространства позиций, конституирующих социальный порядок, и таким образом работает на реализацию той тенденции (*conatus*), что вписана в этот порядок [17].

Теперь мы лучше понимаем, как можно ответить на наш первоначальный вопрос об условиях постоянства социального порядка. Дюркгейм верно заметил, что социальный мир не является миром радикальных разрывов, как думал Гоббс («Для Гоббса социальный порядок рождается из волевого акта, и этот постоянно возобновляемый волевой акт поддерживает социальный порядок»), или как сегодня предлагают думать все те, кто, желая восстановить «субъекта» в его правах, приходит к редукции социальных отношений, в том числе отношений доминирования, к актам, выполняемым агентами в каждый момент времени (особенно когда речь идёт о подчинении). Социальный мир, как физический мир Лейбница, содержит в себе основание своей собственной динамики и своей логики. Эта *vis imita*, являющаяся одновременно и *lex insita*, вписана как в объективные структуры (и в механизмы, гарантирующие их воспроизводство, те, например, что способствуют воспроизводству распределения культурного капитала), так и в структуры габитуса, или точнее, в отношение между теми и другими. Она содержится как в объективных вероятностях, вписанных в тенденции, свойственные различным социальным полям (в виде склонности производить постоянные частоты и регулярности, нередко усиливаемые эксплицитными правилами), так и в субъективных ожиданиях, в общем и целом подогнанных к тем тенденциям, что вписаны в склонности габитуса.

Примечания

1 Yver J. Egalite entre heritiers et Exclusion des enfants dotes. Essais de geographie coutumiere. Paris: Sirey, 1966. Le Roy Ladurie E. Structures familiales et coutumes d'heritage en France au XVIe siecle: systeme de la coutume. // Annales ESC, 1972, № 4-5. p. 825-846, воспроизведено в

Le Territoire de l'historien. — Paris: Gallimard. — p. 222-251.

2 Bourdieu P. Celibat et condition paysanne. // *Etudes rurales*, 1962, № 5-6, avril-septembre. — p. 32-136. Продолжение и развитие этой работы в рамках этнологической традиции, см. в специальном номере: *Etudes rurales: La terre, succession et heritage*. 1988. — p. 110-113.

3 Главное достоинство понятия стратегии в том смысле, как я его использую, в том, что, в отличие от некоторых форм методологического индивидуализма, оно учитывает структурные принуждения, влияющие на агентов, и одновременно, в отличие от некоторых механицистских версий структурализма, предполагает возможность активной реакции на эти принуждения. Как указывает метафора игры, эти принуждения в основном вписаны в различные имеющиеся формы капитала, то есть в позицию, занимаемую некоторой единицей в структуре распределения этого капитала, то есть в отношении сил между этими единицами. В отличие от распространённого использования этого понятия, когда стратегии означают сознательные и долгосрочные намерения индивидуального агента, я пользуюсь им, чтобы обозначить различные множества действий, упорядоченных в соответствии с более или менее долгосрочными и не обязательно явно сформулированными целями, которые совершаются членами такого коллектива, как, например, семья (см. Bourdieu P. *Les strategies matrimoniales dans le systeme de reproduction*. // *Annales*, 1972, № 4-5, juillet-octobre. p. 1105-1127; Леви-Строс К. Глава I. Введение: история и этнология. // Леви-Строс К. *Структурная антропология*. Перевод с французского Вяч. Вс. Иванова. — М., ЭКСМО-Пресс. 2001. с. 7-36; Бурдьё П. От правила к стратегиям. Бурдьё П. *Начала. Choses dites*. Перевод с французского Н. А. Шматко. М., SocioLogos. 1994. с. 11-57.

4 Bourdieu P. *Esquisse d'une theorie de la pratique*. Genève: Droz, 1966. p. 82-83, 133-137; Klapisch-Zuber C. *La maison et le Nom, strategies et rituels dans l'Italie de la Renaissance*. Paris: Ecole des hautes etudes en sciences sociales. 1990.

5 Bourdieu P. *Reproduction interdite. La dimension symbolique de la domination economique*. // *Etudes rurales*, 1989, № 113-114, janvier-juin. p. 15-36; Bourdieu P., Saint-Martin de M. *Le patronat*. // *Actes de la recherche en sciences sociales*, 1978, № 21, mars-avril. — p. 3-82.

6 В действительности габитус стремится воспроизвестись в соответствии со своей внутренней логикой, утверждая свою автономию по отношению к ситуации (вместо того, чтобы как неживая материя подчиниться окружающей среде).

7 Bourdieu P. *Celibat.*, loc. cit., и *Les strategies.*, loc. cit.

8 Дополнительные примеры можно найти в библиографии Zelem M.-C. в журнале: *Etudes rurales*. 1988. № 110-112. p. 325-357 и в статье: Kojima H. *A Demographic Evaluation of P. Bourdieu's «Fertility Strategy»*. // *The Journal of Population Problems*, 1990, № 45 [4]. p. 52-58.

9 Bourdieu P. *Esquisse.*, Op. cit.

10 Bourdieu P. *Celibat.*, loc. cit., p. 32-136, и Бурдьё П. *Практический смысл*: перевод с французского Общ. редактор перевода и послесловие Н. А. Шматко. — М., Институт экспериментальной социологии. — СПб., Алетейя. 2001.

11 Bourdieu P. Esprits d'Etat. Genese et structure du champ bureaucratique. // Actes de la recherche en sciences sociales, 1993, № 9697. — p. 49–62. (см. далее в этой книге русский перевод: Дух государства: генезис и структура бюрократического поля).

12 Этот пример также заставляет отказаться от привычного деления методов на количественные и качественные: действительно разобраться в работе этого механизма можно, только проводя одновременно так называемый качественный анализ диспозиций (например, схем восприятия и оценивания, используемых индивидуальными агентами при выборе дисциплины) и статистический анализ структур (например, распределение агентов между отдельными дисциплинами по полу и социальному происхождению).

13 Bourdieu P. Esquisse., Op. cit., p. 82–83, 133–137. Klapisch Zuber C., La Maison et le Nom, Op. cit.

14 Как можно заставить платить должника, если нет возможности обратиться к полиции или правосудию? Как указывает Рену (Renou), часто магия, и даже точнее магическое проклятие, оказывается единственным средством (это своего рода оружие слабых, часто женщин).

15 Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов: (Первоначальный вариант «Капитала»): 4.1. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: второе издание. Том 46. Часть 1. С. 100.

16 Здесь можно увидеть, как Норберт Элиас упрощает историческую реальность, когда сводит историю эволюции насилия к линейной модели непрерывного отмирания, Если действительно общие модели эволюции имеют интерес и смысл, то необходимо учитывать хотя бы тот факт, что во многих архаичных обществах самое жестокое физическое насилие, особенно в отношении изгоев, сочетается с в высшей степени эвфемизированными и стилизованными формами символического насилия (например, обмен дарами), что эти рафинированные формы (пережитком которых, несомненно, является патернализм) пришли в упадок по мере становления инертного насилия различных механизмов рынка труда и, наконец, что в экономически развитых обществах инертное насилие корректируется мягким насилием просвещённого менеджмента каждый раз, когда этого требует соотношение сил.

17 В случае обществ, имеющих государство, необходимо также знать историю работы по институционализации, продуктом которой является семья в том виде, в каком мы её знаем сегодня. Эта очень частная вещь в действительности есть государственное дело в той мере, в какой она зависит от действий государства, таких как жилищная политика, или ещё более очевидных вещей, таких как семейная политика или семейное право. Гарантированная и ратифицированная государством, семья получает от него средства существования и воспроизводства.

Версия #2

Зверобой создал 16 января 2026 22:05:05

Зверобой обновил 18 января 2026 04:01:05